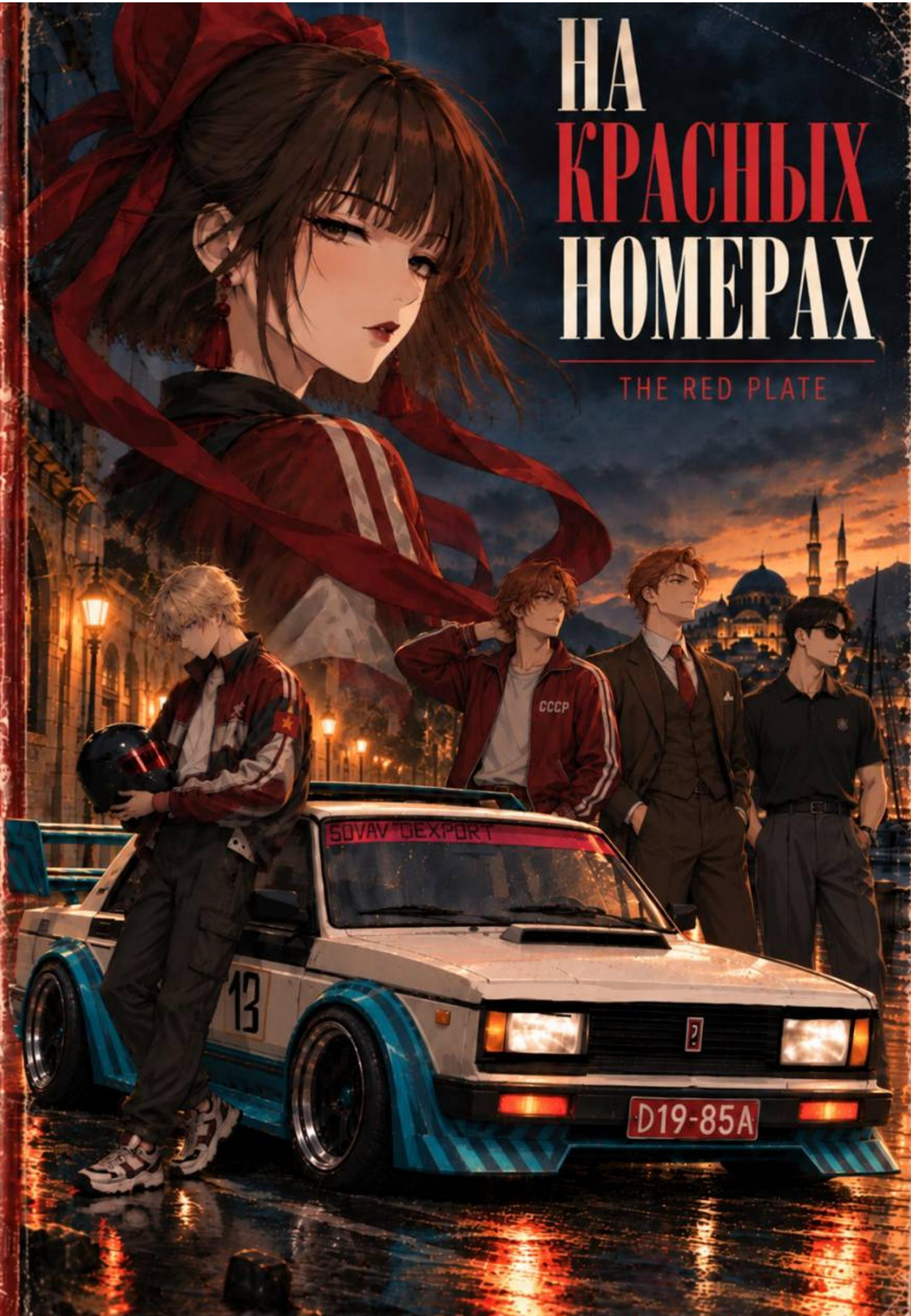

НА КРАСНЫХ НОМЕРАХ

THE RED PLATE

Борис Горче

На красных номерах

«Автор»

2026

Горче Б.

На красных номерах / Б. Горче — «Автор», 2026

Его руки дрожат всегда. Кроме тех минут, когда он держит руль. Шестнадцатилетний Алексей живёт при Посольстве СССР в вымышленном Королевстве Ардания и старается как можно меньше привлекать к себе внимания. Всё меняется после случайной погони: взрослые замечают, что за рулём он становится другим — спокойным, точным и почти бесстрашным. В это же время торговый представитель Ростислав Спасский запускает авантюрный план: вывести советскую машину на нелегальный чемпионат уличных гонок с гонщиками - анонимами и превратить победы в рекламу ВАЗа и источник валюты для советской экономики. Алексею достаются чёрный шлем, номер тринадцать и шанс впервые почувствовать себя тем, кем он хочет быть. Но чем увереннее становится гонщик в чёрном шлеме, тем труднее Алексею возвращаться к самому себе. Ночные улицы, дипломатические и шпионские интриги, подпольные гонки и история взросления человека, который слишком легко может поверить, что его любят только тогда, когда он носит маску.

© Горче Б., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. ДВА БРАТА	5
Глава 2. ОПЕРАЦИЯ "СОВАВТОЭКСПОРТ"	11
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Борис Горче

На красных номерах

Глава 1. ДВА БРАТА

Эта бесконечная дрожь...

Как сильно я привык к ней...

Иногда начинает казаться, что весь мир трясется, и лишь кончики моих пальцев остаются неподвижными.

Я прячу руки в карманы. За спину, втягиваю ладони в длинные рукава одежды. А если прятать их негде, то крепко сжимаю в замок и давлю ими в стол.

Но есть одно место, где мои руки спокойны, движения чётки и невозмутимы. Это произошло однажды - и осталось со мной навсегда. Мой последний приют, дающий покой от поглощающего меня недуга.

Когда мои руки на руле автомобиля, а глаза смотрят в бескрайний загадочный мир между гирляндами дорожных огней. В единственное и последнее пристанище моей одинокой души...

Подмосковная деревня встречала очередное солнечное утро криками окрестных петухов. За столом родительского дома сидели два родных брата около сорока лет от роду. Подобно сатирической театральной сценке, один из них витал в облаках, наслаждаясь моментом, а второй, нахмурившись и подпирая голову рукой, всматривался в кружева жёлтой скатерти.

— Сима...

Молчание прозвучало отрицательным ответом.

— Сима...

— Серафим!

Довольный брат перестал делать вид, что не замечает знаков, выступающих на лице сидящего напротив человека.

— Что с тобой сегодня, чёрт возьми? Такой прекрасный день, наконец-то всей семьёй собрались, а ты опять грустный и недовольный!

Серафим продолжал молчать. Спустя почти минуту он жалобно выдавил, вцепившись в край скатерти:

— После аварии Тойвонена — всё. Федерация автоспорта с будущего сезона запрещает группу «Б»! Всё пропало!

За мгновение до рывка его запястье поймала ладонь брата. Крепкий хват постепенно размяк, обратившись объятием.

— Мы два года шли к этому, Ростислав. Мы должны были быть там, прорвать железный занавес. Стереть в труху все стереотипы и иллюзии...

Серафим, почти рыдая, смотрел куда-то в сторону, всё ещё подпирая голову.

— Симочка, не смей отчаиваться! На этой вашей букве «бэ» мир не сходится. Есть ещё тридцать две другие буквы.

— Легко тебе сейчас надо мной насмехаться. Непутёвый брат пролетел с шансом всей жизни, а ты в следующем месяце целым торгпредом на чужбину едешь...

— Да уж, развела нас с тобой эта идея директора с экспериментальными классами. Стали мы оба — ни рыба ни мясо, образцовыми технарём и гуманитарием. А головы-то почти одинаковые... Я тебе вот что скажу. Любые твои ненастья — также мои. Покажешь мне, что в ваших гонках такого особенного. Что-нибудь вместе придумаем.

Серафим уже хотел ответить, но вдруг вскинул голову.

— Чёрт возьми! Ребята же сегодня вечером грузятся. Послезавтра международная матчевая гонка в Риге — на «Бикерниеки». Будут чехи, венгры, немцы. Я должен быть с парнями, что бы я там ни наговорил начальству.

Ростислав пожал плечами.

— Значит, едем в Ригу. Там всё и покажешь.

Серафим впервые за утро перестал хмуриться.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

Голос из кухни:

— Сима, опять свекольник не доел!

Бикерниекский лес встречал воскресное утро всё тем же запахом хвои, бензина и разогретой резины, который так быстро забывается командой уже в вечернем поезде до Москвы, но со всё большей ностальгией отзывается в душе с каждым новым приездом. За красно-бордовыми стволами сосен то возникали, то исчезали участки главного скоростного кольца страны; над главной трибуной развевались флаги спортивных обществ и гостей из социалистических стран.

Весенняя международная матчевая встреча не была этапом чемпионата СССР или Кубка Дружбы, но мало отличалась от них по регламенту. В кузовном классе до 1300 кубических сантиметров предстояло пройти двадцать семь кругов — чуть меньше ста километров.

За несколько часов до старта Серафим потянул растерянного брата через парк участников к месту команды. Механики Серафима пребывали в не меньшем упадке, нежели он днём ранее.

— Знаете, я скажу вот что. Я привёл сюда своего брата. Этот самодовольный болван думает, что всё наше дело — чепуха и возня в вонючем масле! Вы хотите, чтобы он смотрел на нас тут всех и ухмылялся, наслаждаясь своим превосходством?

Вереница острых вопросов продолжилась, будто серия атак рапириста.

— Или всё-таки мы утрём ему нос и покажем, что работаем не с железом, а с мечтой?..

— Сумеет ли мы пробудить в этой надменной морде ребёнка, собиравшего машинки из металлического конструктора и катавшего их днями напролёт?

Механики усмехнулись и вернулись к последним приготовлениям. Первым Ростиславу представили пилота команды.

— Меня Павел звать. Пришёл в спорт по зову предков. Дед на войне лётчиком был. Давить на газ не боюсь — хочу хоть в чём-то быть как он.

Гонщик команды Серафима улыбнулся ещё шире.

— А если уж и перегну...

— То я лично тебя с того света достану и обратно к рулю приклею, — перебил Серафим.

Павел рассмеялся и поднял руки, сдаваясь.

— Дай хоть тогда на деда посмотреть...

Трибуна наполнялась флагами, вымпелами, комбинезонами и кепками. Родители держали увлечённых машинами детей на плечах; рядом сидели заводские специалисты, спортивные функционеры и напряжённые родные участников.

Ростислав жался в тень брата и чувствовал себя среди этого общего возбуждения неловким посторонним, случайно севшим сначала не в тот поезд, а потом вышедшим не на той автобусной остановке.

— Сима, кажется, машины уже выкатывают. Надо на трибуну. Нам же заняли места?

Серафим горделиво усмехнулся.

— Только посмотрите, принцесска просит царскую ложу! Чем ближе к асфальту, тем сильнее ощущается скорость.

Приняв роль временно исполняющего обязанности старшего брата, Серафим потянул Ростислава не к трибуне, а обратно – к ограждению возле пунктов технического обслуживания.

— Куда ты меня ведешь? — окончательно потеряв контроль над происходящим, почти вскрикнул Ростислав.

— Прямоком в мир нашей детской мечты!

Машины проносились перед Ростиславом одна за другой, оставляя в поле зрения вытянутые, будто метеоры, полосы цвета. От потока горячего воздуха оттягивало щёки и волосы, не оставляя ни намёка на высокомерно-серьезную физиономию Ростислава. Гул моторов разных тембров складывался в авангардистский оркестр, исполнявший симфонию об отчаянных и отважных пилотах и их стальных скакунах.

Ростислав метался по всему периметру в поиске чего-то, на чем следует сосредоточить взгляд. Пока что его сознание считывало только шум, скорость и разноцветные тела машин, которые не получалось даже рассмотреть. Серафим же после каждого круга нажимал кнопку секундомера, что-то записывал в тетрадь и время от времени перебрасывался короткими фразами с механиками.

К середине дистанции он подобрался к самому ограждению возле быстрого поворота. Дождался Павла, проследил, как белая «пятёрка» легла на дугу, и вернулся к столу с хронометражем.

— Наши новые «Барумы» поплыли раньше, чем я рассчитывал. Его всё сильнее выталкивает наружу, а время круга падает без особой борьбы. Не привык Павка к мягкому импортному составу.

Старший механик заглянул в записи.

— Если позовём сейчас, он выпадет из основной группы.

— Если не позовём, через пять кругов он выпадет с трассы. Готовьте свежий комплект.

— Может, дотянуть?

Серафим уже вытаскивал из-под стола чёрную сигнальную доску.

— Нет. Попробуем обратить проблему в преимущество. С таким износом всё равно подиума не видать.

Белыми буквами он собрал на доске одно слово: «БОКС», высунув табличку над ограждением на следующем круге. Павел пронёсся мимо, но ещё через круг белая «Лада» свернула к пункту обслуживания.

Домкраты подхватили облегчённый кузов. Гайки, колёса, короткие команды. Ростислав едва успел понять, что именно происходит, как машина снова упала на асфальт и рванула к выезду.

— Сколько потеряли? — спросил он.

— Четыре позиции, — огорчённо ответил механик.

Серафим протянул руку в сторону подопечного.

— Приемлемая цена. Машины впереди сейчас будут мешать друг другу. А мы будем идти в лучшем темпе.

Ухватывая обрывки разговора Серафима с механиками, Ростислав изучал рабочее место брата. Большая тёмно-зелёная доска тонула в словах, цифрах и схемах, связанных стрелками, скобками и обводками. Под ней на алюминиевой тумбе лежали тетради с такими же кружевами мыслей и планов. Рядом — секундомеры, набор сменных цифр для сигнальной доски и записанные заранее в общую таблицу короткие команды.

«Да это какие-то жестяные шахматы!» — едва не вскрикнул вслух Ростислав.

К двум третям дистанции Павел уже внедрил в основную группу машин.

— А вот теперь начинается настоящая гонка, — объявил брату Серафим.

Ростислав снова почувствовал себя обманутым.

— С чего бы? Говорили же, что две трети уже позади.

— Идём, сейчас увидишь. Хоть помнишь, как выглядит наша машина?

— Ещё бы.

— Тогда считай тех, кто впереди неё.

Группа машин появилась между соснами и быстро приблизилась.

— Шестой!

— Вот и свежие шины. Теперь он может сделать то, чего не мог до остановки.

Серафим следил за ближайшей парой, прижав секундомер к груди.

— На прямой с ним воевать бессмысленно. Если Павка помнит, о чём мы говорили, дождётся входа.

Соперник перед «Ладой» сместился к внутренней стороне перед торможением. Павел ещё мгновение оставался на газу, затем резко замедлился – позже преследуемого. Машина соперника на изношенных шинах поползла наружу; Павел удержал свежими «Барумами» более тесную дугу, мелькнул белым бортом изнутри и вышел впереди.

Ростислав замер.

— Пятый...

— Вот теперь ты смотришь не просто на машины, — усмехнулся Серафим. — Ты смотришь гонку.

Следующим впереди оказался такой же ВАЗ-2105, только с иностранным пилотом. Серафим знал и особенности подготовки советских машин за рубежом, и самого гонщика.

— Этот хитрее. Нашу машину знает не хуже нас. На одном позднем торможении его не возьмёшь.

Серафим быстро вставил в сигнальную доску короткое слово: «ВЫХОД».

— А это что значит? — спросил Ростислав.

— Что Павел должен перестать думать о входе в поворот и выиграть его выход. Наблюдай.

На следующем круге две «пятёрки» вошли в длинный поворот почти вместе. Иностранный пилот закрыл внутреннюю траекторию, но Павел не полез в борьбу. Пройдя вершину поворота строго за оппонентом, он чуть раньше выпрямил машину, позволил свежим шинам зацепиться и нажал на газ до того, как соперник успел полностью распрямить руль.

На последовавшей за поворотом протяжённой прямой белая «Лада» постепенно поравнялась с машиной впереди. Перед зоной торможения Павел получил почти корпус преимущества и первым занял внутреннюю сторону следующего поворота.

— Четвёртый!

Ещё через круг Павел был уже третьим.

— Третий! — Ростислав вскрикнул, как ребёнок. — Пару кругов — и мы чемпионы!

Он обернулся и неожиданно увидел за собой полностью остывшего Серафима.

— А теперь игра на удержание.

Ростислава охватила искренняя, почти детская обида.

— Но как же так?

— Очень просто. Свежими эти шины уже не назовёшь. Павел устал. Первые две машины далеко впереди и идут без борьбы, с лучшим темпом. Отрыв больше шести секунд — до воздушного мешка не достанет. Если сейчас полезет за ними, поставит под угрозу то, что уже заработал.

Ростислав посмотрел на уходящую вдаль белую машину и впервые без подсказки попытался мысленно измерить интервалы между участниками.

Через несколько секунд он три раза медленно кивнул. Уперев кулаки в бока, он принялся по-настоящему напряжённо всматриваться в гонку.

За четыре круга до финиша Серафим, уже почти закончивший свою шахматную партию, снова подобрал секундомер.

— Четвёртый отделился от группы и прибавляет. А Павка теряет. Через два круга начнётся борьба.

— К тому времени до финиша останутся минуты, — сказал старший механик. — Павел закроет его обороной.

Серафим покачал головой.

— Если подпустит в воздушный мешок, обороны не хватит. Тот сейчас быстрее и на прямой, и на выходах.

Он собрал на сигнальной доске: «ТЕМП».

Павел увидел её на следующем проходе. Через круг Серафим щёлкнул секундомером и впервые позволил себе улыбнуться.

— На две секунды быстрее. Правильно понял.

Последний круг. Преследователь всё-таки добрался до Павла и уже почти висел у него на корме.

Серафим выскочил к ограждению с доской «ДЕРЖИ», но машины пронесли мимо раньше, чем он успел понять, увидел ли Павел сигнал.

— Дави его наружу! Позже тормози! Забудь про шины! — закричал Серафим уже просто в грохот моторов, будто голос мог догнать машину.

Он забрался на крышу технического фургона, чтобы увидеть последнюю связку поворотов перед финишем. Фургон качнулся, едва не повалив оседлавшего его капитана. Серафим обернулся и обнаружил рядом Ростислава.

— Ну что, Наполеон Бонапарт, будет сегодня подиум?

Серафим несколько секунд молчал.

— Я уже не знаю, Ростислав...

Первый за всю гонку признак неуверенности брата прошёлся по Ростиславу холодом.

— Вот они! — крикнул снизу механик.

Две машины вылетели к финальной связке. Преследователь вышел из воздушного мешка и поравнялся с «Ладой» Павла перед торможением. Пилот Серафима затормозил позже и сохранил внутреннюю сторону первого поворота, но вошёл слишком быстро и на выходе вынужден был вывести машину к внешней кромке.

Соперник воспользовался более чистым выходом. На короткой прямой его нос оказался впереди.

Следующий поворот шёл в противоположную сторону. Теперь внутренняя траектория оставалась Павлу. Он не отдал её, вынудив соперника пройти снаружи, и две машины вышли на финиш почти рядом.

У автомобиля соперника разгон оказался чуть лучше. Полкорпуса. Четверть.

Мотор «Лады» уже кричал у красной зоны – на грани непоправимой поломки. До крайнего момента следующего переключения оставались считанные мгновения — и каждое могло стоить позиции.

Но финишная линия закончилась раньше.

Взмах клетчатого флага. Павел сохранил третье место с преимуществом меньше одной десятой секунды.

Трибуна взорвалась восторгом.

Серафим подпрыгнул так, что крыша технического фургона отозвалась заметной вмятиной — будто ладонь чемпиона в застывшей глине.

«Славное у братца дело... Даже немного завидно», — подумал Ростислав.

Серафим тем временем прыгал уже почти до потолка пункта обслуживания.

— Мы выиграли, парни! Этот задира — теперь наш слоняра!

— Третье место, а кричит будто золото взял, — рассмеялся старший механик. Потом посмотрел на Ростислава. — Такой он, наш трижды павший Серафим.

Ростислав нахмурился.

— Трижды павший?

Механик удивлённо поднял брови.

— Вы же брат-близнец. ВАЗ, волейбол, снова ВАЗ.

— Истории знаю, — тихо ответил Ростислав. — Просто не складывал их воедино...

Механик тоже понизил голос.

— Сначала завод. Ушёл в автоспорт — раз. Потом ключицу на волейболе сломал, с пилотированием почти закончил — два. Вернулся инженером на ВАЗ, вылетел после споров с начальством — три. И каждый раз потом снова куда-то лез. Вот теперь здесь.

Ростислав посмотрел на брата, который уже обнимал Павла и механиков, будто третье место действительно было чемпионством. Он слышал из его уст о каждом из этих событий. Но совершенно не ощущал их чередой личных трагедий близкого человека.

Старший механик снял со стены небольшой выпел команды и протянул ему.

— Возьмите. На память о сегодняшнем дне.

Ростислав сжал ткань в ладони.

«Раз, два, три... Три, два, один... Как мало нужно, чтобы погрузиться в этот мир».

Глава 2. ОПЕРАЦИЯ "СОВАВТОЭКСПОРТ"

Где-то далеко от Родины проснулся человек, чья жизнь протекала то за рулем, то под капотом советских представительских авто.

— Кажется, я такое уже не тяну. С трех утра - вокруг машины и карты.

На блестящую хромом «Газ-14» с красным номером «19-01» и таким же красным флагом, закрепленном на поднятом из переднего крыла древке, упала рука в белой перчатке. Пройдя по острому изгибу бескрайне длинного борта, растворяющегося в темноте гаража, она соскользнула прямо к лицу человека преклонных лет. Подведя ладонь к носу, он со всей силы втянул будто бы весь воздух из помещения... и затаился. На всей пятиметровой боковине оказалось слишком мало пыли, чтобы заставить его чихнуть.

— И почему только арданцы проводят ежегодный парад на Марсовом поле за городом! И зовут на него иностранных послов... Чтобы мне нужно было потом его туда везти?

Мужчина уже дошел до двери подсобного помещения, в котором висела его наглаженная водительская форма, как вдруг вспомнил ещё одну задачу, которая была возложена на него сегодня:

- А уже вечером на «двадцать четвертой» в аэропорт – встречать этого нового торгпреда! А её ещё надо подготовить... Два месяца не заводили...

Пожилой человек взялся за седые, кучерявые волосы, открыв рот. Недолго подумав, он набрал на колесе телефона какой-то двузначный номер, после чего залез на стремянку и вытащил со шкафа громоздкий чемодан. На пошарпанных гранях аксессуара виднелись небольшие, почти истертые наклейки. Милан-1950, Париж-1949, Лондон-1947, Вена-1949...

Раскрытие чемодана осветило помещение блеском отражений от единственной потолочной лампочки.

— Лешенька, сынок, прости, что разбудил тебя!

В гараж, будто бы бесплотной прозрачной тенью, без единого звука пробрался шестнадцатилетний юноша. Чертами лица и ростом он походил на старика, и разницу между отцом и сыном выдавали только морщины, пивное пузо старика и цвет волос – русые волосы юноши были заметно менее кучерявыми. Но, помимо параметров самой внешности, отличались они ещё чем-то – и это отличие ощущалось тревожным и грустным.

— Садись, кое что изобразим.

Необъятная «Газ-14» подъехала к козырьку резиденции советского посла в Королевстве Ардания. Из приоткрытого переднего зеркала выглядывали кучерявые седые волосы. Управляющий резиденции главы советской миссии открыл длинную заднюю дверь правого борта.

Из входной группы резиденции появился крепкий, высокий пожилой мужчина в темно-сером костюме и квадратных очках с позолоченной оправой при алом галстуке и с алым значком на левом лацкане пиджака.

— Привет, Сережка. Здравствуй, Сашка.

Одним движением руки он кивнул куда-то между замеченной им в окне машины седой головой и стоящим возле задней двери управляющим. Оба медленно и глубоко кивнули головой в ответ.

Посол погрузился в просторный салон лимузина, отделенный от переднего ряда стенкой с непрозрачным окном посередине. Монументальная машина сдвинулась с места, развернувшись в сторону выезда из дипломатической колонии.

— Все эти важные и статные физиономии из наших учреждений — что тут, что в других странах... Они могли бы заметить юношу за рулём вместо штатного водителя, но неизменно

заняты за стенкой, разделяющей салон роскошного лимузина. Слишком погружены в действительно важные мысли. Но чаще всего это была заслуга театрального грима, изготовление которого я, освоил в совершенстве, будучи сыном театралов.

Убедившись, что он оказался вне поля зрения заднего ряда «Газ-14», завгар сделал несколько шагов из-за угла гаража, помахав Послу и своему сыну Алексею, выручившему его в сегодняшнем плотном графике.

— Даже интересно – каков этот новый торгпред? – бросил куда-то в сторону завгар.

Восход яркого летнего солнца добрался до земли советской дипломатической колонии. Только-только заводится пение незнакомых южных птиц. Кажется, что их ансамбль постепенно занимает места в оркестровой яме, принимаясь играть свои партии, не дожидаясь других музыкантов.

Тяжелая дверь, обшитая дерматином, прибитым к её массиву шахматным порядком пуговиц, открылась внутрь бескрайнего кабинета, своим убранством превосходящего интерьеры всего остального комплекса зданий.

Хлесткое рукопожатие эхом отскочило от всех углов помещения.

— Нарращивание экспорта в Арданию – дело действительно перспективное, товарищ Посол. Впрочем, мне кажется, это лучше всего сделать за счет поставок наших автомобилей. Посол зажмурился в размышлении.

— Что же, у тебя есть идеи по их продвижению?

— Пока без конкретного плана. Может быть, попробуем готовить гоночные версии и побеждать в автоспорте?..

Резанувшее слух Посла сочетание слов «авто» и «спорт» заставило его закатить глаза.

— Брось, это вздор! Мы продадим рынок дешевизной и обычной рекламой – как в других странах.

— Думаю, одно другому не мешает.

После напряженной, но все же дружественной паузы, Ростислав вышел из кабинета.

— Ну как, товарищ торгпред, услышал ли вас чрезвычайный? – подскочил к Ростиславу молодой сотрудник торгпредства, ожидавший его в приемной.

— Пока что нет. Но я знаю, чем мы его возьмем.

Жилой дом дипломатической колонии, вмещавший в своих зигзагах сотрудников посольства, военного атташата и торгового представительства, учителей русской школы и членов их семей, ходил ходуном под крик детей, отмечающих день рождения дочери одного из младших дипломатов. Родившаяся и выросшая в этой экзотической стране и побывавшая на своей Родине всего лишь однажды, она с тревогой рассматривала подготовленный ею родителями подарок.

— Странная штука эта ваша матрёшка. Более крупная баба пожирает более мелкую. И так раз за разом.

Раздосадованная мать бросилась отчитывать невнимательного супруга.

— Я же тебе говорила, что матрёшку надо показать ребенку сначала в собранном виде!

«Раз, два, три... Или всё-таки иногда и три, два, один?» – проходя мимо детского праздника в большом зале подъезда, подумал Ростислав.

— Куда едем, товарищ торгпред?

— К импортеру ВАЗ. Мне сказали, что его зовут Васель Догу.

Так начался первый рабочий день Ростислава в качестве советского торгового представителя.

Подобно барже, заходящей в узкую гавань, «Волга» с торгпредом протиснулась во двор того, что гордая табличка называла дилерским центром.

Ростислав вышел из машины и оглядел пустую парковку, ящики неразобранных посылок и десятков покрытых пылью «Лад» за сетчатым забором.

— Как же всё печально. Наши машины совсем не пользуются спросом.

— Для местных это клоны ФИАТов и русские братья «Тофашей». Но для вас, кажется, нет. Значит, вы не местный.

Ростислав обернулся. К нему подошёл самый обычный прохожий - возрастной мужчина с густыми усами, длинным носом и улыбающимися глазами. По-русски он говорил уверенно, хотя и с необычным произношением.

— Скажите, здесь вообще бывают посетители?

— Почтальон — каждое утро.

— А покупатели?

— Каждый гость — праздник на всей этой улице.

Ростислав невольно улыбнулся.

— Почему же советские машины никому не нужны?

Мужчина коснулся переносицы, будто поправляя невидимые очки.

— Человек видит в машине продолжение себя. А каждый хочет быть победителем. Машины продают победами и образом. У ваших машин здесь нет ни того, ни другого.

— Но ведь ВАЗ выступает в автоспорте.

— Выступает. Только образ создают победители, а завод в этом сезоне снова остался позади.

Ростислав вспомнил брата и помрачнел.

— Убедили. Кстати, Ростислав.

— Называйте меня Васькой.

Ростислав вытаращил глаза.

— Так вы и есть Васель...

Собеседник вздрогнул.

— В-вам сказали моё имя?..

За восточным чаем разговор быстро вернулся к делу.

— Полгода назад на всю страну прогремел нелегальный чемпионат. Ночные гонки по городским дорогам, частные телеканалы, жёлтая пресса, VHS-кассеты.

Ростислав опустил голову. Посол отверг даже официальный автоспорт.

— Почему не нормальные соревнования?

— Потому что они интересны посвящённым. А нелегальная гонка уже стала массовой культурой. В официальном спорте все места и репутации давно заняты.

При упоминании закрытой группы «Б» Ростислав снова вспомнил Серафима.

— Есть материалы на эту тему?

Васель тут же вытащил из магнитофона чёрную кассету.

— У вас, кажется, говорят «Лучше один раз увидеть, чем стор раз услышать».

Ростислав принял её и поднялся.

— Очень рад знакомству. Авантюра сложная, но, кажется, того стоит.

Несколько дней спустя Посол снова разбирал бумаги под зелёной лампой. Несколько аналитических справок и информации Ростислава — о рынке автомобилей, культуре незаконных гонок и возможностях экспорта — уже лежали в сторонке от остальной почты.

— Чёртов фанатик... Достал так, что уже начинаю им восхищаться.

Телефонный звонок сорвал последнюю встречу дня. Посол бросил трубку, посмотрел на доклады и вздохнул:

— Ну, хоть гляну, на посмеяться...

Наутро по большому красному телефону позвонили из Москвы.

— Работа не ведётся совершенно никакая. Нужна инвалюта. Есть хоть соображения?

Посол помедлил.

— Товарищ замминистра, вы меня не уволите за ответ?

— Говори.

— Внедрить советскую машину в местный нелегальный чемпионат и рекламировать её победами.

В трубке послышалось тяжелое фырканье.

— Тебе там солнце голову напекло? Хотя автомобильный экспорт — мысль правильная. Всё остальное я от тебя не слышал. Думай.

Сигнал конца связи.

Крепкий чай в восточных пиалах. Посол тщетно пытается ухватиться за округлое блюдце сосуда правильным хватом, не обернув его дном вверх. Он впервые сам покинул свой кабинет, прибыв на рабочее место торгпреда.

— Нас готовы поддержать. Но твои идеи с полулегальными покатушками и прочим капиталистическим шабашем в Москве не понимают. Но задача притока инвалюты сформулирована принципиально. И других реальных вариантов я не вижу.

Запросив у Посла разрешение на показ ему видеокассеты с последней гонки чемпионата, переданной ему Васелем, Ростислав запустил проигрыватель. Начальник с серьезным выражением лица разглядывал пролетающие по экрану автомобили, буйство толпы и фонарный свет ночных улиц.

— Товарищ Спаский, разрешите...

В проеме двери оказался юноша из канцелярии Торгпредства. Ростислав уже хотел его отогнать, как, к ужасу вошедшего, Посол похлопал по сидущке стоявшего рядом с ним кресла.

Дрожащего сотрудника усадили перед экраном. Когда шоу закончилось, посол придвинулся к нему.

— Интересуешься машинками?

— Да как-то нет...

Посол поднял брови.

— Взял бы одну из этих?

Он показал на уже черный экран.

— Раньше и не думал о машине. Но теперь, наверное, задумаюсь...

Посол поднял указательный палец вверх и посмотрел на Ростислава, буквально подкинув легким касанием за спину молодого сотрудника канцелярии.

— Я запомню эти глаза. Кстати, хорошо пишешь.

— Продукт экспериментальной школьной программы.

Посол поднялся с глубокого велюрового кресла, протянув свою широкую руку Ростиславу.

— На том и согласились. Но что с кадрами? Кто будет делать все эти дела?

— Ядро технической части можно доверить моему родному брату Серафиму. Он...

Ростислав принялся перечислять все те события из жизни брата, о которых узнал из разговора с его старшим механиком.

— Хороший у тебя братец.

— Продукт экспериментальной школьной программы.

— Советское образование – лучшее в мире!

Оба впервые улыбнулись друг другу.

— Что же, будет так. Брата я могу затащить в Арданию. Сделаем бумажки, обозначим его как твоего иждивенца. Он не обидится-то?

«Сима точно расстроится» — подумал Ростислав.

— Ему в любом случае понравится предложение — ответил он послу.

— Решено. Но кто же будет крутить баранку? Местные побоятся. Браток твой калеченый. А уж именитого гонщика пригнать под видом уборщицы или кастелянши будет непросто.

— Пока что это единственное слабое место плана.

— План в принципе слабый, давай честно.

— Но он самый сильный из осуществимых.

— Зришь в корень. Давай, тебе неделя на проработку вопроса. А мы пока притащим твоего братца.

Ростислав вернулся в жилое здание уже совсем поздним вечером. В веренице играющих на большом ковре детей он признал недавнюю именинницу, сидящую со все той же игрушкой в руках.

— В целом, не все так уж ужасно с вашей матрешкой. Более крупная баба выпускает в мир меньшую, а та — ещё более маленькую. Кажется, это всё-таки добрая игрушка. Спасибо, папа, что показал мне её!

«Всё-таки бывает и три, два, один» - улыбнувшись ребенку, подумал Ростислав.

День за днем сливался в уже привычные Ростиславу будни. Встречи – в одном месте, в другом месте. Чтение бумаг - одним месте, в другом месте. Подготовка бумаг – и там, и там. Чай, перекуры, ночевка дома.

Но всё более и более тяжелым грузом на его голову давила одна и та же проблема. Он так и не мог понять, где ему взять умелого пилота.

— Сима, здравствуй, дорогой мой! Как твои дела, как гонки?

Скрепя сердцем, Ростислав признал необходимость звонка брату для выхода из своего положения. На той стороне провода настроение было куда более мрачное.

— Два недели не звонил с отъезда. Сказать никак – ничего не сказать. На нашу бронзу всем хоть бы хны. А в Кубке и чемпионате СССР мы опять всё проиграли.

Из беседы с братом Ростислав узнал, что его пилота Павла пригласили в сборную страны. Кажется, поиск пилота усложнился ещё сильнее. Ростислав закрыл кабинку телефонной будки и поднялся вверх, в свой кабинет. Утомленный непривычно объемной работой, он уронил себя в сон. И снился ему в этом сне человек в серебристом комбинезоне и чёрном шлеме. Без голоса, имени, характера и лица. Но с крепким хватом рулевой баранки.

Горячий воздух постепенно остывает без ласки солнечных лучей. Фонари по всей территории дипломатической колонии начали разгораться натрием, подобно софитам перед началом спектакля.

Два человека не разминулись на входе в жилой дом.

— Лёшенька, солнышко, а что у тебя с лицом последние две недели? Садись в машину, покатаю по городу. Погода хорошая. Бензин казенный.

Алексей поднял непробудно потупленный взгляд. Перед ним был мужчина лет сорока пяти с короткой причёской, пропускающей редкие седины, и в затемненных очках, над которыми выступали глубокие перекладки лобных морщин. Он неоднократно видел этого чело-

века, но побаивался его навязчивости и общительности, которые так неестественно сочетались с его в целом напряженным и замкнутым видом.

Алексей посмотрел в сторону лестницы, обещавшей привести его домой. Пока он обдумывал причину отказа, его размазало по подъездной плитке ощущение пустоты вечера в своей комнате. Крики цикад из придержанной мужчиной двери завали его в путь. Алексей повернулся в сторону собеседника и кивнул ему.

Усталые водители вели не менее уставшие автомобили в спальные районы мегаполиса. С каждой минутой движение всё ещё залитых светом фонарей улиц затихало и увядало. В это же время единственная находящаяся в городе ВАЗ-2107 под знаменем красных дипломатических номеров держала путь подальше от своего гаража.

«Да почему же у него руки-то трясутся... Он что, знает, зачем я его взял!?»

Водитель Алексея накручивал себя с каждым взглядом, брошенным на руки пассажира через непрозрачные стекла очков.

— Дядя Констанц, а куда мы вообще едем?

— Я просто люблю ездить по вечернему городу. Но мы заедем на заправку хватанем чего вкусного – и домой через круг по городу.

— Интересно. Я тоже люблю просто ездить на машине.

— Видишь, а я как чувствовал, что мы похожи!

В машине вновь воцарилась тишина. Через несколько минут Алексей задал мужчине за рулем не самый очевидный вопрос.

— А с нами никто не едет? – решил уточнить взглянувший в окно Алексей.

— Нет, конечно. Вроде нам никто и не нужен...

После заправки машина вечерних странников остановилась на краю парковки – прямо под кроной раскидистой ивы, которая будто бы гладила маленький автомобиль по крыше, как дикий зверь, коим «семерка» и являлась в этих краях.

— Подожди меня пару минут, я куплю одну очень вкусную вещь, которую делают только на этой заправке.

Констанц хлопнул дверью и устремился в сторону.

Немного разочаровавшийся в поездке Алексей откинул сидение назад, скрестив ладони за затылком.

«Я думал, он тоже любит ездить... а не катиться... По крайней мере, тут хоть подголовники имеются».

Закинув голову вверх, Алексей вдруг обнаружил подпертую козырьком карту. Его внимание привлекло множество разных пометок и стрелок, оставленных на ней ручками разных цветов.

«Ну вот, ещё и топографический кретин...»

Через десять минут за открывшейся дверью призаправочного ларька показался Констанц. Он нес в руках две порции мороженого оранжевого цвета, увенчанные долькой ананаса.

«И неужели взрослые выбирают мороженое ещё дольше детей?» - подумал про себя Алексей.

За несколько шагов до машины кто-то окрикнул его, заставив сменить курс. Появившийся из темноты человек что-то спросил у него на местном языке. Как только он попросил повторить сказанное, незнакомец сделал несколько шагов к стоящему у правого борта машины Констанца.

Вспышка света. Из-под рукава.

Толчок запястьем вперед.

Констанц вскрикнул, ухватившись за предплечье.

Алексей вытянулся в сторону него. Констанца ранили в руку коротким ножом, спрятанным в рукаве злоумышленника.

— Свалил, малой!

Констанц почти прорычал на Алексея, сбросив столь непрозрачную маску вежливости, показывая на водительское сидение.

Алексей поймал падающего в пассажирское кресло Констанца упадет в кресло... чтобы завести мотор.

Пока Констанц справился с нестерпимой болью, юный попутчик уже вдавил педаль газа в пол.

«Теперь руль у мальчишки... Это ещё хуже, чем вести одной рукой...»

Алексей крепко сжал обхватившие прутья руля руки. Преследовавшая его дрожь сменилась резкостью и остротой движений.

«Невероятно... он не просто не дрожит в такой ситуации.. он перестаёт в ней дрожать...»

Перематывая рану бинтом, Констанц не спускал глаз с рук Алексея. Сначала из страха, что юноша приведет их в ближайший столб. А потом – из всё большего изумления происходящим.

— Дядя Констанц – эта машина ехала за нами всю дорогу!

Алексей показал попутчику машину в зеркале заднего вида.

— А ты почему мне не сказал! – плохо сдерживая боль, прокричал Констанц.

— Я... Я же спросил, одни ли мы едем? Да и вы не просили сообщать о хвосте...

Через несколько секунд Алексей выдал ещё один вопрос.

— Они будут стрелять, да?

— Меня ранили в руку, чтобы я не ушел. Значит, я нужен им живым. Иначе бы сразу прирезали.

— А вдруг промазали?

— Давай не будем думать об этом!

Алексей боролся с рулем так, будто бы его руки дирижировали изгибами дороги впереди. Каждое мгновение максимального крена или потери контакта колес с дорогой обрывалось его резким движением в противоположную сторону. А если поворот был слишком резким – он намеренно закидывал заднеприводное авто в занос, который ощущался так, будто колесам более естественно стоять перпендикулярно движению, а вместо асфальта под ними было сливочное масло.

Наблюдая за тем, в какого зверя превратилась семерка в руках робкого юноши, Констанц даже забыл про свою боль.

— Шикарно! Отрываемся – и напрямик домой!

— Понял!

С каждым поворотом свет от фар преследователей тускнел всё больше и больше. Но погоня продолжалась, а усталость Алексея от борьбы с тяжелым рулем «семерки» постепенно делала его всё более сильным оппонентом.

Констанц потянулся здоровой рукой к карте, лежащей в козырьке напротив него.

— Если хорошо войдем в поворот, то пропадем из их поля зрения секунд на десять. За это время тебе надо будет нырнуть в небольшой пустырь слева, погасив фары при движении.

«Боже, к чему я его призываю» - в ужасе подумал Констанц. Ему было бы не сложно заставить себя пойти на подобное.. Но заставить сделать это юношу...

— Постараюсь.

Алексей снова закинул машину в занос, чтобы быстрее пройти поворот под девяносто градусов. Немного просчитавшись с моментом постановки, он сорвал передний бампер машины вместе с номером об небольшой дорожный знак. Выправив занос, он заметил узкую дыру между плотной застройкой по левой стороне улицы.

Машина на полном ходу вылетела в небольшой темный участок ткани города, сбив ограждавшую его от дороги сгнившую деревянную изгородь.

Не сумев отловить приземление машины после небольшого прыжка, Алексей принял решение затормозить, чтобы не допустить столкновения со стенами соседних домов. Машина замерла в тишине и темноте. Алексей и Констанц обернулись назад: преследователи пролетели вперед по дороге, совершенно не заметив удачное место для отхода.

— Прости меня – проговорил заметно потерявший крови Констанц на руках подхватившего его врача Посольства.

— Сейчас не время – ответил ему юноша.

Процедурный кабинет медпункта захлопнулся, разделив Алексея и Констанца. Через пятнадцать минут врач вышел в коридор, застав всё еще ждущего его выхода Алексея.

— Лешка, ты чего сидишь то?

— Как он?

— Травма непростая, но не смертельная. Ты его ждал?

— Да нет. Хотел семьи дожждаться.

— Он без семьи, Лешка. Вся жизнь – одна работа.

Диалог с врачом прервал хлопнувшая входной дверью мужчина, по возрасту ещё старше Констанца.

— Где этот болван! Хана ему, раз в эту дурость вмазался! Его же завтра же вышлют!... И меня!

Пожилой мужчина полного, но крепкого телосложения уже было схватил ручку двери процедурного кабинета, как на его пути встал врач.

— Товарищ генерал, ваши конторские разборки подождут! Сейчас он не подполковник, а пациент!

Несколько дней спустя. Конец рабочей недели. Большой зал дипломатической колонии содрогался под грохот фанфар, возвещающих о начале некоего торжественного мероприятия. Впечатленный увиденным несколько дней назад парадом королевской гвардии, Посол решил организовать в Посольстве торжественный прием, а заодно – получить прекрасную возможность побеседовать с рядом местных чиновников в менее формальной обстановке – в компании алкогольных напитков и дам.

Ожидаемо, ещё не освоившийся в новом коллективе Ростислав, обремененный заданием Посла найти пилота до следующего понедельника, стоял за полным туловищем колонны в самом углу зала. Перебирая в уме лица знакомых ему людей из числа сотрудников Посольства, он внезапно заметил, что во всем зале нет одного из его первых приятелей, с которым он работал в одной из прошлых командировок.

«Кажется, он говорил, что живет прямо надо мной» – вспомнил Ростислав, направившись в сторону жилого дома под прикрытием южных сумерек.

Дверь квартиры открылась где-то через минуту после звонка.

В проеме стоял, опершись на локоть, Констанц. Вторая его рука была перевязана толстым слоем бинтов, пахнувшим спиртом

— Что случилось, опять встрял в неприятности?

Констанц улыбнулся.

— Да, выдалась внезапная погоня - но так и не понял, с кем. Ножовое в предплечье. Ростислав принялся извиняться, что потревожил товарища.

— Погоня? После ножового в руку? И ты сумел отбиться и приехать домой на целой машине?

— Смог. Это был один прекрасный водитель...

Ростислава осенило. Он скрестил руки на груди и замер. Расстегнув пуговицу на воротнике белоснежной рубашки, он затолкал бабочку в карман жилетки.

— К черту гостей и этот вечер, я весь во внимании. Но сначала я проверю, откуда у тебя этот запах.

Ростислав залез в квартиру Констанца, увидев через дверь блеск стекла бутылки водки, стоявшей на столе кухни. Ломанувшись вперед, он споткнулся и упал прямо в прихожей.

— Это тебе тоже врач прописал?

— А ты не знаешь?

Ростислав обернулся назад, чтобы выяснить причину падения. В прихожей Констанца стояло несколько увесистых чемоданов и вещевых ящиков. А ведь про Констанца действительно весь день все говорили что-то пренебрежительное...

Ростислав поднялся, стряхнул пыль с пола со стрелчатых брюк и, подхватив Констанца, отвел на кухню.

— Начальник объявил мне строгий выговор. А ещё на днях меня, возможно, объявят «нон-грата» и вышлют из страны.

Ростислав принялся успокаивать коллегу.

— Перестань, ты преувеличиваешь. Это и правда могут быть бандиты или западенцы... Посол, только что на приеме общался с главой управления разведки Ардании. Они вполне себе навеселе, твоё имя не звучало.

— Что же, вероятно. Но, мне кажется, уже все Посольство знает, что я громко облажался. Второе утро подряд все так смотрят на меня... Сверлят! Я так сам скоро уеду.

— Терпи, Констанц, и выздоравливай поскорее.

Ростислав вспомнил о том, что Констанца кто-то подвез после ранения.

— Не думаю, что наши спецслужбы внедрили автопилот в машину. Все же, кто смог оторваться от погони?

Констанц задал встречный вопрос.

— Ты убедился, что я ещё не сильно выпил?

— Вполне.

— Тогда скажу. Это был Лешка, сын нашего завгара.

— Допустим. Кем работает этот Лешка? Тоже в гаражной группе?

— Он работает сыном завгара. Ему шестнадцать. Но водит он на все сто.

— А, кажется, видел его как-то возле завгара. Seriously? У него же руки дрожат от одного взгляда в его сторону...

Ростислав стал сомневаться в трезвости Констанца, осматривая его более пристальным взглядом.

— Да, руки у него трясутся, Роста. Общаться он не умеет, людей он боится. Но как за руль сел — всё. Ни дрожи. Ни паники. Хвост он увидел раньше меня!

Ростислав несколько секунд смотрел на него.

— Выпьем за Лёшку.

Беседа немного успокоила Констанца. Вместе с тем рассказ Ростислава о своем плане снова его насторожил.

— Не втягивай юнца в служебные планы. Не повторяй мою ошибку.

— Но именно так ты выявил его талант.

— И я не хочу, чтобы этот талант использовали как служебный инструмент.

Ростислав закинул пиджак через плечо и убежал к себе домой. Где-то на лестничной клетке он прокричал:

— Благодаря мне ты войдёшь в историю не как провалившийся агент, а как великий искатель алмазов! Мы сделаем из твоего найденца сияющий бриллиант!

Констанц снова остался один. Визит Ростислава в такое непростое время совсем немного его приободрил. Окинув взглядом собранные чемоданы, он слегка задвинул их в угол прихожей.

«А ведь чем черт не шутит...»

Так и закружилась череда встреч, знакомств, переездов и открытий, в суете которой три взрослых человека и один юноша пытались найти ответы на всё больше интересующие их вопросы.

Ростиславу представили Алексея, Посол дал Ростиславу добро на запрос команды и Серафима из Москвы, опытных бюро ВАЗ, заводской команде по кольцевым гонкам, а также в Автоэкспорте начались работы по подготовке боевого аппарата для уличных гонок. Васель принялся заказывать импортные запчасти якобы на машину своего брата, а в его почтовый адрес пришла инструкция о правилах и принципах чемпионата. Наконец прилетел и финальный гость.

— Ваш статус?

Офицер в зеленой фуражке с длинными тонкими усами взял из рук Серафима такой же зеленый паспорт.

— Иждивенец.

Рука Ростислава коснулась плеча разводящего руками Серафима.

— Мой иждивенец.

Двое вышли со скромной спортивной сумкой из стеклянной теплицы аэропорта – прямиком в очарование южной ночи и шелест густых кипарисовых ветвей.

— Боже мой, а что у Вас тут с машинами?

Серафим обхватил щеки ладонями, подскочив к передней части ВАЗ-2107, подъехавшей встречать братьев.

— Да так, один парнишка покоцал в неприятном эпизоде.

Серафим покрутил головой, показывая свой протест такому обращению с машинами.

— Ух я бы его научил водить!.

— Так ты и будешь – бросил в ответ Ростислав, закинув сумку гостя на заднее сидение.

— Поехали, Коста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.